

и испытания. А так как дело шло о судьбе доброй пристяжной, то поп еще тщательнее заглядывал и ошупывал, где, по установившемуся обычаю, это считаюсь необходимым. Наконец, сам старый цыган влез на серого — его за ноги подхватили — и дергая по годами, мотая в бока ногами и нажаривая кнутом, начал скакать и показывать товар лицом. А затем предложил попу.

— Сядь-ка, батя, сам. Увидишь — огонь, а не лошадей. Эх, ни за что бы другому не уступил, только тебе — по знакомству.

Молодой цыган, как раньше у них было придумано, положил на спину серому старое пальто, а под него незаметно подсунил колючий репей, чтобы подать лошаденке жару.

— Ну, садись, батя!

Поп молодецки вскочил. Серый пошел и все боком, боком, сгибая от боли спину. Потом взбрыкнул задом раз, другой. Поп клонул в шею, а выпрямляясь, еще больше надавил на репей. Конь зарыгал, как безумный. Поп то кланялся вперед, то откидывался назад. Схватился за гриву. Шляпа давно слетела, длинные черные волосы растрепались и мотались, как пышный хвост. Картина была и необычная и забавная. Долго поп держался на сером. Наконец, слетел и прямо лицом в пыль, а так как стояла сушь, и скота по дороге прошло много, то пыль, мягкая, как мука, и рыжая, лежала на дороге толстым пушистым слоем.

Сбросив пальто с репьем, серый, сделав несколько кругов, остановился и оглядывался на свою спину. Поднялся и поп. Лицо, усы, борода, волосы, халат — все было в рыжей пыли. Бедный о. Александр сму-

щенно отряхивался. Толпа было захохотала, но сейчас же прекратила смех, жалко стало Кривого попа. Прибежали хуторяне — казаки и казачки — и по скольку возможно, привели его в порядок. Подобрал поп волосы, надел принесенную шляпу и снова вернулся к цыганам.

Событие, конечно, для о. Александра произошло неприятное, но он по своему веселому и неунывающему характеру, быстро с этим примирился и сам был готов над собою посмеяться. Выменял он на пристяжную и лошадь, но только другую, не серого. На серого он был в большой обиде за его неприличное по отношению духовного лица поведение.

Но этим дело не кончилось и дальше приняло очень неприятный оборот. По случаю, в толпе зевак, оказалась местный, хохлацкий старик - священник. Он издавна уже неприязненно относился к о. Александру за его «казакованье», ибо много слышал про действительно казацкие ухватки Кривого попа. Знал и искал случая, чтобы устроить ему каверзу. И устроил, донес по своему начальству, и началось следствие. Тянулось оно долго. Приезжал благочинный, потом поп-следователь, потом еще какие то попы. Консистория, бывало, не спешила. Наконец, вышло решение, и отца Александра перевели куда-то далеко от х. Матюшина.

Долго горевали по Кривому попу прихожане, долго рассказывали про него всякие истории. Те, кто при о. Александре были детьми, сделали сами отцами, а память о Кривом попе все жила среди матюшинцев и других сальских хуторов, жила и превратилась в степную легенду о веселом, детски незлобивом казаке попе, о. Александре Кривом.

А. Бояринов.

И. Ф. БЫКАДОРОВ

АЗОВ^{*}

(1637 — 1937).

В настоящем, 1937 году, истекает 300 лет со времени взятия донскими казаками турецкой крепости Азова в устье Дона. Событие это, имевшее исключительно большое историческое значение как для самого Донского Казачества, так и для всего Востока Европы, несмотря на свою трехсотлетнюю давность, в исторической литературе освещено недостаточно.

Взятие казаками в 1637 году Азова, прародины Казачества, древней столицы Казакии, явилось завершением длительной эпохи в истории Всевеликого Войска Донского, эпохи борьбы за свободный выход к берегам Азовского и Черного морей.

Борьба эта велась, с большим или меньшим напряжением, со времени самого возникновения Донского Войска (около середины XVI века). Но эпохой, поглощавшей все силы и средства, требовавшей сосре-

доточения всех устремлений на овладение Азовом, является период после Смутного времени (с 1614 года) и до конца 40-х годов XVII столетия, т. е. до наступления стабилизации после овладения Азовом, защиты его и турецкого контр - удара — «Раздорского сиденья».

Борьба казаков против Турции и ее васалов (Крымского ханства и Ногай) шла на суше и на море.

Турция в то время находилась в расцвете своего могущества, раскинув необятные свои владения в 3-х частях света — в Европе, Азии и в Африке. Турция того времени имела неисчерпаемые силы и средства, выставляла сотни тысяч войска, обладала одним из лучших военных флотов в Европе. На военной и морской службе Турции находились военные специалисты почти всех стран Европы. Турция умела широко пользоваться достижениями военной техники, военного искусства.

Донское же войско в то время могло выставить, при полном напряжении, всего 10-12 тысяч бойцов, в

*) Из труда того же автора: «Борьба Донского Казачества за выход в море в первой половине XVII века (История Казачества, ч. III).

то время как наиболее опасный сосед и враг его, Крымское Ханство, вассал Турции, выставляло, вместе с нагайцами, свыше 60-ти тысяч всадников.

Турецкий гарнизон Азова насчитывал 3-5 тысяч бойцов и он постоянно подкреплялся нагайцами, кочевавшими к юго - востоку от него и черкесами, жившими в низовьях Кубани.

Против турецких кораблей с десятками пушек, казаки могли выставить только свои струги на 50-100 человек, гребные суда в 15-25 пар весел, а пушка имела далеко не на каждой струге.

Против огромного количественного превосходства турок и их сильного флота у казаков был их боевой дух, военное и морское искусство. Участвуя в войнах Московского государства против Швеции и Польши, совершая постоянно морские походы против Турции, Донские казаки были очень искусны в ратном деле. Они умели пользоваться своим боевым опытом против различных противников на различных театрах войны.

Нужно сказать, в казачьем вооружении была пичаль. Этот «огненный бой» был большим техническим превосходством казаков в борьбе против татар и черкесов, имевших лишь лук. Но это превосходство против турок отпадало.

Материальные средства Донского Войска, в сравнении с таковыми Турции, были ничтожны. Земледелие на Дону, существовавшее в зачаточном состоянии, по ряду исторических условий, не могло развиваться. Хлебные припасы Донское Войско получало от Московского государства (сплавлялись в полководье из Воронежа) за свою «ратную службу». Отпуск («жалованье») производился в размерах, далеко не удовлетворявших потребности Войска; все недостающее Войско вынуждено было приобретать в московских окранных (пограничных) городах путем покупки и обмена. Боевые припасы (порох, свинец, изредка ядра и пичали) также присылалась за ратную службу Войска, но в размерах ограниченных и они пополнялись захватом военной добычи во время морских походов.

Московское государство, с одной стороны, поддерживало борьбу Донского Войска против Турции, путем присылки средств, а с другой, — сознательно и постоянно делало помехи этой борьбе, добиваясь заключения мира с Турцией.

После окончания Смуты, Московское государство делало все, чтобы Донское Войско заключило мир с Азовым, «чтобы государеву делу порохи не было»; а затем, ко времени взятия Азова казаками, Московское государство, в своих грамотах, настаивало на том, чтобы казаки заключили мир с Турцией.

Одновременно Москва требовала от казаков «вестей» (сведений о замыслах турок и татар) и предупреждения о замышляемом ими походе на московские окраины. За невыполнение этого, Москва грозила прекратить присылку на Дон «старского жалованья».

Но Донское Войско служило по своей доброй воле, а потому выполнять требований Москвы считало для себя не обязательным. Оно действовало не по чужой указке, а так, как того требовали интересы Дона.

Московское государство в первой половине XVII века вело почти непрерывные войны (без положительных результатов) против Польши и Швеции. Эти войны поглощали все его силы и средства. В борьбе с своими врагами на западе и севере, Москва искала помощи могущественной тогда Турции. Отсюда ее двойственная политика в отношении Донского Войска, Москва искала союза с Турцией и вместе с тем боялась ее могущества. Потому Московское государство ловко пользовалось буферным положением территории Дона и ратным искусством донских казаков. Донское Войско было единственной защитой московских окраин от могущественной Турции.

Но Москва не хотела и усиления Донского Войска, не верила ему и боялась «внутренних потрясений», как бы казачье ратное искусство не обратилось против нее самой, а потому спокойно предоставляет Донскому Войску истекать кровью в борьбе с турками.

Эта двойственная политика Москвы, ее отказ от прямой и действительной поддержки борьбу казаков против Турции, были причиной того, что Московское государство почти каждый год теряло сотни и тысячи своего окраинного населения, уведимого крымскими татарами в неволю.

Эти уводы могли бы принять грозные размеры, но ратная деятельность донских казаков, их мужественный отпор низводили результаты татарских вторжений до минимальных размеров, но окончательно прекратить набег казаки не могли в силу недостаточности собственных средств, а главное, в силу упорного отказа Москвы поддерживать казаков в этом деле.

Крепости - города: Валуйка, Оскол, Воронеж, Белгород не выполняли своего назначения по охране границ. Крепости - города эти стоили громадных сил и средств. Между тем, хоть часть этих средств, предоставленная Донскому Войску, служа средством его усиления и развития, дала бы возможность наилучшим образом обезопасить московскую окраину, совершенно прекратив набег татар.

Усилению Казачества Московское государство препятствовало всеми мерами, опасаясь его, как мы говорили выше, внутренних потрясений.

В Казачьи казаками в основу быта и общественной жизни были положены те начала, о которых тогда в Западной Европе еще и не мечтали — выборность власти, ответственность ее перед народом, полная свобода и равенство в правах и обязанностях. Это казачье содержание уже было практически программой, к сожалению, извращенной, в Смутное время на Руси; оставалось оно программой закрепощенного крестьянства и в XVII веке в Московском государстве. Из-за боязни развития и укрепления этого казачьего вольного духа и проникновения его в русские пределы, Московское государство всячески ущемляло Донское Войско и, идя в этом направлении, оно зачастую пренебрегало и даже жертвовало своими жизненными интересами.

Тем не менее, несмотря на ничтожность сил и средств Донского Войска, Турция оказалась бессильной противостоять казачьему напору. Не имея возможности «унять» казаков вооруженной силой, Турция прибегла

к другим способам — к помощи дипломатии.

В 1620 году турецкий посол Ф. Кантакузен предлагал Москве патриарху Филарету, отцу царя Михаила Федоровича, платить Донскому Войску «жалованье» пополам — от турецкого султана и московского царя. За это Донское Войско должно было обязаться не ходить в походы на море. Был даже предложен проект переселения всего Донского Войска на берега Мраморного (Белого) моря с предоставлением ему земель и полного устройства. Эти проекты являлись результатом бессилия Турции «сбить казаков с Дона» и даже просто «увянуть» их.

В 1630 году Турция заручилась союзом Московского государства для войны против Польши. Под воздействием Турции, Москва добивалась не только заключения Донским Войском мира с Турцией, но и установления союзных отношений. По требованию Москвы, Донское Войско должно было послать отряд казаков к устьям Дуная для совместных действий против Польши с турецкими войсками под начальством турецкого пашы.

Это требование нарушало независимость Донского Войска и оно решительно отвергло его: не только союз и совместные военные действия с турками, но и самый мир противоречили идеологии и традициям войска. Кроме того, не было гарантий, что турки не поставят казачий отряд в условия его истребления или, наконец, дадут ему возможность вернуться в пределы Казакии.

За категорический отказ зимовая станица Донского Войска, во главе с атаманом Наумом Васильевичем Шелудяком, была арестована и разослана по монастырям. Дипломатические и всякие сношения Москвы и Дона были прерваны на два года (1630-32).

В 30-х годах XVII века Казакия стала находиться под воздействием нового фактора — передвижения в пределы ее нового сильного и воинственного народа — калмыков*), передвинувшихся из-за Волги.

Калмыки потеснили ногайцев, оказавшихся слабыми против нового противника. Ногайцы передвинулись к Азову, ища опору в нем, часть их перешла Дон у Азова и осела между низовьем Дона и Перекопом по Азовскому побережью.

Азов и раньше служил связью, обеспечивая переправу через Дон, между Крымским ханством и ногайцами и черкесами. Теперь же, передвижение ногайцев очень усилило Крымское ханство. Во избежание усиления Крымского ханства, Московское правительство рекомендовало Донскому Войску приводить ногайцев под высокую царскую руку.

Этот вопрос, как и другие еще более важные с точки зрения Донского Войска, можно было разрешить единственным способом — силой оружия — взятием Азова.

Донское Войско давно уже убедилось, что в борьбе против Турции если оно и может рассчитывать на материальную помощь (хлебными и боевыми припаса-

ми) Московского государства, то в смысле войска может только на свои собственные силы и на помощь Запорожского Войска, всегданнего своего союзника.

Азов был взят не только без согласия (которого и не требовалось), но и без ведома Москвы. В то время, когда Войско готовилось к походу под Азов, в Москве находилась зимовая станица с войсковым атаманом Иваном Дмитриевичем Котаржым во главе. Скрытые замыслы похода представлялось необходимым, чтобы «без помешки» получить «жалованье» этого года, что атаману и удалось блестяще выполнить. Хлебные и боевые запасы были получены в больших против обычного размерах. Удалось получить и ядра и пищали*).

Силы казаков и Азова были почти равными — около пяти тысяч с каждой стороны. На стороне турок были большие преимущества в артиллерии, боевых припасах и в крепостных оборонительных сооружениях.

Мы не имеем возможности останавливаться на самом взятии Азова — это особая тема. Взят он был храбростью и искусством казаков. Но как не блестяще это взятие, оно темнеет перед защитой казаками Азова (в 1641 году) — «Азовским сидением» — семь тысяч казаков, в том числе считая и жен казачьих, против 250-ти тысячного турецкого войска, поддержанного могущественным флотом.

Мы остановимся лишь на указании побудительных причин, двигавших казаков на бессмертные подвиги. Сильны были традиции, что Азов был казачьим христианским городом, где находился еще престол (церковь Св. Иоанна Предтечи, покровителя донских казаков). Для татар же и турок Азов был лишь опорным пунктом для вторжения в пределы Московского государства и увода христианского населения в неволю. Взятие Азова лишило татар опоры.

Но главной побудительной причиной взятия Азова являлось приобретение свободного выхода в Азовское и Черное моря. А с приобретением этого свободного выхода разрешались экономические вопросы — вопросы о хлебных и боевых припасах, т. е. освобождение от экономической зависимости Севера.

В самой оценке Азова казаки прежде всего подчеркивали: «а близ Азова хлеб родится гораздо».

На основании грамоты 1690 года о запрещении земледелия в верховьях Дона (по р. Медведице), грамоты, взятой и рассмотренной обособленно в исторической литературе составилось представление, что на Дону земледелие не существовало потому, что оно запрещалось.

Исторически это не так. Земледелие в зачаточном виде существовало, но не могло развиваться из-за полного отсутствия необходимых условий к тому.

Все без исключения городки Донского Войска, до начала XVIII века, были расположены в долинах рек, во время половодья представлявшихся небольшими ост-

*) Документально известно, что во время завоевания Ермаком Сибири калмыки пребывали еще в южных ее частях.

*) Скрыть замыслы похода против Азова было необходимо и потому еще, что в Азове ожидалось прибытие турецкого посла Ф. Кантакузена, направлявшегося в Москву.

ровками. Выезд в степь для земледелия в то время был совершенно невозможен.

Вот историческая причина, препятствовавшая развитию земледелия, а в начале и скотоводства. Азов, владение Азовом давало необходимую и достаточную площадь для земледелия, а развитие его освобождало от экономической зависимости.

Донское Войско собралось о взятии Азова в Москву. Там ожидали, что Войско поднесет его в дар московскому царю. В Посольском Приказе подходили к атаману с этим вопросом, но Войско решило само независимо владеть им.

Период со взятием Азова (1637) и до «Азовского сиденья» интересен не только по боевым действиям защиты его казаками с моря и с суши, но еще более по оживленным дипломатическим сношениям Москвы и Дона: со стороны Москвы домогательства получить Азов от казаков под «высокую руку» московского царя, а со стороны казаков — попытки получить необходимых средств для продолжения борьбы за Азов.

Москва трезво оценивала все глубокое значение для московского государства взятие казаками Азова, но вместе с тем она понимала и боялась, что азовские подвиги, сам Азов в руках казаков, чрезмерно усилит Казачество, Этой боязнью усиления Казачества в значительной мере руководилась политика тогдашнего московского государства. Эта политика и соответственные действия Москвы того времени никакой радости и пользы казакам не принесли, уважения к Москве ни в ком не снижали.

То, что значительно позже вылилось в Разиновщину и повело к внутреннему потрясению Московского государства, имеет свою историческую причину. Истоки его имелись на казачьей земле и рождены они той политикой Московского государства, какую оно проводило в отношении Донского Войска в период защиты Азова, включая и «Азовское сиденье».

Ис. Ф. Быкадоров.

(Продолжение следует)

СОДМАН КУЛЬДИНОВ

Калмыцкое письмо

Актуальным вопросом сегодняшнего дня не только калмыцкой эмиграции, но всего Калмыцкого народа является вопрос шрифта, алфавита. Калмыцкий народ имеет оригинальное письмо, установленное еще в XII ст. Неудачная история всего Монгольского народа не дала возможности развиваться и совершенствоваться этому письму. Оно осталось почти на одном уровне, в первичной стадии, в стадии зарождения до наших дней. Сейчас не буду углубляться в причины застоя в области письма в среде Монгольского народа, а перейду прямо к нашему времени, когда этот вопрос сделался яблоком раздора среди молодой калмыцкой интеллигенции. Стало известно, что разработанный шрифт является двигателем культуры, прекрасным проводником идей в широкие массы. С появлением интеллигентных сил среди К. народа обострилась нужда в удобном, усовершенствованном письме. Старый шрифт был, но не удовлетворял вкуса и требований прогрессивно - настроенной части калмыцкой интеллигенции.

Я, к сожалению, не знаю, как обстоит дело в Монголии, Джунгарии, где живет главная масса Монгольского народа. Судя по слухам, доходящим едва к нам, в среде Монгольского народа нет спора вокруг шрифта, а в части калмыцкой в сов. России идет судорожная работа. Там совсем отбросили старое письмо и ввели транскрипцию сперва русскую, а последнее время латинскую. Какие результаты дали эти «реформы» — не известно.

Переходим к эмиграции. Главная масса народа находится в индифферентном состоянии по отношению вопроса о шрифте. Молодое поколение нашей интеллигенции не сказала еще своего слова. Этот актуальный вопрос о шрифте волнует старшее поколение калмыцкой интеллигенции.

В настоящее время существует два течения, которые мы и рассмотрим. Первое — К. К. К. Р., которая отстаивает старую орфографию, Зая - пандитовский шрифт. Эта организация, преследующая чисто национально - культурные цели, согласно своей программе, выпустила три книги «Хонхо», сборник народного творчества и монументальный труд проф. В. Л. Котвича «Опыт грамматики калмыцкого языка», «Кап. дочку» Пушкина на калм. яз. и Истор. Калм. нар. проф. Палькова

Второе течение возглавляет редакция «К. В.». Эта организация наметила известные политические задачи, выпускаемый ею журнал выходит преимущественно на русском языке, но попадают статьи и на калмыцком языке. Так как последние не имеют принципиального значения для целей пропаганды их политической идеи, то калмыцкое письмо играет в этом журнале второстепенную роль. Издание журнала слишком осложняется, когда надо, на ряду с русскими, отпечатать и калмыцкие статьи. Монгольское письмо невозможно передать машинкой. Это затрудняет. Редакция избегла это затруднение переходом на транскрипцию.

В № 2 своего журнала редакция опубликовала обоснования своего перехода, потом в последующих номерах всегда помещала статьи, касавшиеся этого вопроса.

Так в № 7 появилась статья С. Балданова «Об одной мешанине». Автор констатировал печальный факт, что у калмыков нет одного общедоступного алфавита и что каждая группа, почти что каждый человек изображает на свой лад звуки калмыцкого языка. Наконец, в номере 8-м появился проект новой транскрипции за подписью Д-ра Хара - Давана.

Создатель Великой Монгольской Державы Чингис-Хан понял необходимость письма в государственной